

Ж. Т. Тошенко¹

НОВЫЕ ЛИКИ СОВРЕМЕННОГО НАЦИОНАЛИЗМА

Прежде всего напомним имеющиеся трактовки национализма: 1) официальная идеология и политика государства, обычно выраженные в национальных доктринах (концепциях) и законодательных актах; 2) специфически ориентированное мировоззрение и его реализация в деятельности националистических слоев, социальных групп, выражающих их интересы политических и общественных организаций; 3) особая, специфическая форма состояния межнациональных отношений.

Научная трактовка понятия «национализм» неразрывно связана с такими категориями, как нация, этнос,

¹ Заведующий кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный научный сотрудник Института социологии РАН, главный редактор журнала РАН «Социологические исследования», член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор. Автор более 650 публикаций, 19 монографий и 5 учебников, в т. ч.: «Парадоксальный человек», «Социология труда», «Тезаурус социологии», «Вехи социологии» (отв. ред.), «Кентавр-проблема (опыт философского и социологического анализа)», «Политическая социология» (отв. ред.), «Социология управления», «Фантомы российского общества» и др. Почетный профессор МГУ им. М. В. Ломоносова. Почетный доктор Института социологии РАН. Лауреат премии РАН им. М. М. Ковалевского.

народность, национальность, этносоциальные, этнополитические и межнациональные отношения. В зависимости от уровня и степени его выраженности предлагаются многочисленные неоднозначные интерпретации сущности и содержания национализма.

Первая точка зрения представлена позицией, трактующей национализм как нечто позитивное, отождествляемое с национальным возрождением, национальной самобытностью и активным участием в достижении своей государственности, в развитии национального самосознания и национальной культуры, их защите и поддержке. Такая позитивная оценка особенно наглядно проявилась в период распада колониальной системы, национально-освободительных революций и становления новых независимых государств Азии и Африки в XX веке [3, 14]. Отношение к национализму как созидательному явлению было продемонстрировано в политике поддержки процесса распада таких многонациональных государств, как СССР, Югославия, Чехословакия (З. Бжезинский).

Вторая точка зрения не менее распространена. Она базируется на том, что национализм — противоречи-

вое явление, которое имеет как положительные, так и отрицательные характеристики. Так, Бердяев в своем четвертом письме «О нации» в книге «Философия неравенства» делил национализм на агрессивный, разрушительный и творческий, созидательный, способный вести народы по пути прогрессивных социальных изменений [5]. Аналогичная постановка вопроса была характерна и для Ленина, полагающего, что национализм, пробуждающийся у угнетенных народов, имеет «историческое оправдание» [9, т. 39, с. 330]. Еще раньше он утверждал, что «в каждом буржуазном национализме угнетенной нации есть общедемократическое содержание против угнетения, и это-то содержание мы безусловно поддерживаем» [9, т. 25, с. 275–276].

Третья точка зрения характерна для значительной части как зарубежных, так и советских (российских) обществоведов, утверждающих, что сущность и основу национализма составляют идеи национальной исключительности и превосходства, стремления к национальной замкнутости, местничеству, недоверия к другим народам, что нередко перерастает в межнациональную вражду. Данная позиция приближает трактовку национализма к объяснению смысла шовинизма и расизма, различая их только по степени своего выражения в политике и идеологии правящих партий и соответствующих социальных сил. Такой подход ставит национализм в ряд таких общественных явлений, которые надо ограничивать, непременно преодолевать и устранять всеми доступными средствами.

Исходя из такой постановки вопроса, национализм искали во всех возможных вариантах, везде, где возникала хотя бы малейшая напряженность в межнациональных отношениях, где появлялись нерешенные вопросы, имеющие этнический характер: при рассмотрении проблем развития национальной культуры, языка, образования, отношения к обычаям, традициям и правилам поведения. Кроме того, национализм нередко обвинялся в мимикрии, перевоплощении, желании скрыть свои эгоистические цели, антинародные (против других наций) устремления, прикрытые псевдопатриотическими лозунгами, обещаниями, национальными ценностями и интересами. Согласно этому подходу национализм оперирует национальными символами, лозунгами общенационального характера, эксплуатируя при этом национальные чувства людей [2, 6, 10].

В данном докладе автор акцентирует внимание не столько на характеристике теоретических концепций, рассмотрении идей и полемике об истории появления этого термина, сколько на анализе реальной ситуации, сложившейся в пространстве национальных и межэтнических отношений. А так как эта социальная реальность стремительно меняется, то мы дадим анализ *новых ликов национализма* или его серьезных модификаций, которые особенно наглядно проявили себя на современном этапе развития как всего мира, так и нашей страны.

Прежде всего обратим внимание на тот факт, что *национализм все чаще стал выступать в этноконфессиональном облике*. Национально ориентированные интересы все чаще прикрываются знаменами той или иной религии (конфессии). Для этого каноны и догмы

используются, чтобы убедить возможно большее количество населения в непререкаемых преимуществах следования религиозным постулатам и ориентирам. Это ярко проявляется в религиозной войне на Ближнем Востоке. Рядятся в одежды защитников религиозных интересов и националистические движения на Кавказе [1]. Уже нет прежних непререкаемых утверждений со стороны националистических сил, что отстаивается культура и самобытность чеченского (кабардинского, дагестанского и др.) народов. Но все чаще слышны доводы об исламе, народном или истинном, о том, что религия является духовной скрепой народа. Иначе говоря, этнонациональные цели и поползновения со стороны так называемых национальных элит камуфлируются под маской заботы о «вечных» ценностях народа [12].

К этому этноконфессиональному аспекту практически всегда примыкают *религиозные войны*. В известном смысле мир вернулся в Средневековье, когда эти войны были широко распространенным явлением. Так, национализм в процессе распада Югославии проявил себя в виде кровавого противостояния православных, католиков и мусульман в лице сербов, хорватов и боснийцев. Нечто подобное мы наблюдаем и в феномене «Исламского государства», которое взяло курс на уничтожение всех, кто не принадлежит к суннитам. Его действия направлены не только против христиан, иудеев и других религий, но и против единоверцев, представляющих другое течение в исламе — шиитов. Этно-религиозные войны ведутся между тамилами и сингалами в Шри-Ланке (Цейлон), между христианами и мусульманами в ряде стран Африки, Ближнего Востока, Индонезии.

Результатами этих войн становятся этнические чистки (изгнание «другой», «чужой» национальной группы), как это было в Хорватии по отношению к сербам. Нужно особо отметить, что эти чистки могут проходить под флагом «моральной» войны, когда создаются условия для невозможности продолжения нормальной жизни на прежнем месте жительства. Именно этим можно объяснить исход миллионов русских и русскоязычных из республик Средней Азии, Азербайджана и Грузии. Это стало характерно и для ряда республик Северного Кавказа, в первую очередь Чечни и Дагестана, где количество русских сократилось до нескольких процентов от общей численности [7].

Эти чистки могут перерасти и в политику геноцида, который в современный период в наиболее наглядном виде проявился в уничтожении в 1994 году в Руанде 800 тыс. представителей народности тутси. Чистки осуществлялись со стороны другой народности — хуту, хотя эти народы обладали одной культурной и языковой общностью. В результате конфликта погибло суммарно около миллиона человек (14 % населения Руанды) [20].

На этой основе и (или) под прикрытием религии сформировался и такой лик национализма, который связан с *терроризмом*. Нормой практически всех террористических актов стало декларирование защиты этноконфессиональных интересов. Особенно наглядно это проявляется в среде мусульманских радикальных

националистических движений. Даже простое употребление слов «Аллах акбар» при каждом террористическом акте говорит о том, что они взяты на вооружение для мобилизации отдельных групп населения (особенно молодежи) на «бескомпромиссную войну с неверными». Этот и подобные слоганы достаточно глубоко проникли в сознание и образ жизни многих приверженцев этой религии. Причем эти акты применяются не только против представителей других народов и религий, но и против представителей других конфессий в рамках ислама, о чем свидетельствуют кровопролитные события в противостоянии суннитов и шиитов, а также в акциях движения «Талибан» против единоверцев в Афганистане, а с недавних пор и в Пакистане. Почти также себя ведут и сторонники «Правого сектора» на Украине, которые величают себя «христианскими талибами», что позволяет им применять насильственные действия против единоверцев, оставшихся верными Московскому патриархату.

Отметим, что эти проявления национализма, особенно его радикальные формы, являются в известной мере продуктом глобализации и углубления социального неравенства. Национализм во многом базируется на протесте против глобализации, который на деле оказывается американизацией или вестернизацией. Именно эти претензии диктовать всему миру свои нормы и правила вызывают противостояние навязываемым образцам, которые могут привести к потере уникальности культуры и самобытности народов. А если к этому добавить реальное социальное положение народов стран Азии и Африки, которым навязывают эту политику, то националистические группировки получают дополнительную аргументацию для противопоставления себя всему миру, и в первую очередь европейскому и американскому.

Национализм стимулировал процесс возникновения и проникновения в государственную политику сравнительно нового явления под названием *войны памяти*. Под прикрытием восстановления исторической истины акцентируется внимание на негативных событиях и эпизодах прошлого, создавая на этой основе образ врага не только в лице государства, но и в лице представителей других народов. Именно под такой установкой формировалось понимание сегодняшней России, всех русских и русскоговорящих в странах Балтии. Более того, в Латвии и Эстонии была провозглашена так называемая этническая демократия, которая фиксировала преимущества (первенство) одной нации над другой [4, с. 94]. Особое место в этих войнах памяти занимает история, вернее трактовка событий прошлого с позиций националистической политики и идеологии, когда преувеличивается значение одних, другие замалчиваются, третьи интерпретируются в угоду государственным предпочтениям. Причем такая политика недалеко уходит от примитивизма и анекдотического изложения исторических процессов. Так, битва русских стрельцов с крымскими татарами, поляками и несколькими казачьими отрядами под Коноптом в 1668 году преподносится нынешними украинскими политиками как образец победы в войне за независимость Украины.

Очень модной стала тематика осуждения российской оккупации не только в странах Балтии (в которых функционируют даже музеи оккупации), но и в Казахстане, Узбекистане, Туркмении и Таджикистане. Предпринимаются попытки осудить политику России в период Кавказских войн XIX века. А чего стоит прямое обвинение России в «захвате» Грузии в начале того же века, даже игнорируя такие факты, как: а) Грузии как таковой не существовало, а было несколько грузинских царств и княжеств; б) была реальная угроза включения грузинских земель в состав Османской империи; в) имелись официальные документы с просьбой о включении этих земель в российское подданство; г) стремление и желание грузинского Католикоса войти в зону влияния православия и не быть уничтоженным в результате неизбежного давления ислама.

Интересен и такой факт: *превращение (или замещение) гражданского национализма* в лице общественных движений («Солидарности» в Польше, Национальных фронтов в Латвии и Эстонии) в *этнический национализм*, активными носителями которого становятся националистические и псевдопатриотические организации, базирующиеся на идеологии противопоставления своего этноса другим, да еще нередко сдобренный и антирусизмом [4, с. 96].

Особое место занимают проявления национализма в общественном сознании, мировоззренческих ориентациях, идеологии. Изначальной формой, когда национализм начинает перерождаться и накапливать деформированные и ущербные методы и формы своего выражения, выступает *этноограниченность*, то есть нежелание налаживать контакты за пределами своего этноса. Это проявляется в повышении интереса к созданию мононациональных семей (происходит уменьшение доли смешанных браков), в предпочтении работать в однонациональных коллективах, в создании искусственных условий для консервации родного языка, в монополизации руководящих постов всех уровней в руках представителей одного народа. Вторая, более высокая по напряженности форма — *этноэгоизм* — означает стремление к обеспечению преимуществ своему народу за счет других народов. Это явление получает все большее распространение. Согласно социологическим опросам 1990-х годов, до 30–40 % коренного населения бывших и новых республик считало естественным получение преимуществ перед другими народами, проживающими в них.

Этноэгоизм может перейти в третью, наиболее опасную форму — *этнофобизм*, который характеризуется прямой враждебностью, непримиримостью по отношению к иным, «не своим», чужим народам. Он уже проявился в ряде конфликтов (ингуше-осетинском, армяно-азербайджанском, грузино-абхазском и др.), когда на всех официальных и неофициальных уровнях уже длительное время продолжает бушевать пожар ненависти, неприязни и обвинений друг друга. Прикрываясь интересами нации, этнофобизм обостряет национальные трения до предела, разжигает конфликты, провоцирует насилие и кровавые эксцессы. Некоторые его формы, проповедующие национальную исключительность и превосходство, способны порождать мимикри-

рующие и наукообразные (не только лобовые, прямолинейные) оценки и рассуждения об особых, прирожденных качествах своего народа, споры о том, у кого самая древняя культура и богатая история [11]. Но это не меняет его сущность: он всеми своими проявлениями направлен на возвеличивание собственного народа и унижение других народов, представителей других наций рассуждениями об их «примитивизме», о недостатках их национальных черт, тех или иных сторон их жизни.

Эти формы вызревания национализма нередко поддерживаются недалекими и близорукими действиями официальных органов, спровоцированными узкоэгоистическими акциями и решениями политических деятелей, нередко поддержанных и некоторыми представителями научной сферы. Это проявляется в продолжающихся этнократических поползновениях со стороны правящих национальных элит, которые они камуфлируют под маской заботы о вечных ценностях народа. Именно на этой основе возникла этнизация всех субъектов власти, не только политической, но и экономической и культурной. Именно на этой почве выросли претензии о создании Великой Румынии, Великой Хорватии [8]. Более скрыто, но неуклонно ведет свою политику Турция по созданию если не единого государства, то целого комплекса под ее эгидой. Стоит особо отметить, что этнократические устремления получают различные модификации и все большее распространение [13].

Современный национализм паразитирует на политике по отношению к национальным меньшинствам. Это не только вопрос о цыганах, к которым во многих странах Европы относятся с предубеждением. Это проявилось и в отношении к сербам в Хорватии, когда та стала самостоятельным государством. Аналогичная ситуация сложилась и в Боснии (босняки–сербы). В Румынии это проявилось в политике по отношению к венграм, в Македонии — к албанцам, в Болгарии — к туркам. Яркий пример бегства грузин из Абхазии после гражданской войны в начале 1990-х годов в этой республике. И совсем уникальная ситуация с русским этносом, который в новых независимых государствах после распада СССР в одночасье превратился в национальное меньшинство. Это привело даже к тому, что в ряде новых государств (Латвия, Эстония) русские стали «негражданами» под предлогом сохранения латышского/эстонского этноса [15, с. 96–170; 21, с. 143].

В заключение остановлюсь на анализе двух уникальных явлений, которые проявились сравнительно недавно. В 1990-е годы при анализе различных зигзагов национализма возник ожесточенный спор о том, есть ли такой феномен, как *этническая преступность*. Прошло время, и о ней заговорили как о состоявшемся процессе, который нужно не только признавать, но и решать вопрос о том, как на него реагировать, какими методами и в какой последовательности. С 1998 года в инициативном порядке, а с 2001-го — официально в структуре департамента МВД по борьбе с организованной преступностью существовали подразделения по борьбе с этнической преступностью. То есть факт существования этнических преступных группировок

юридически признан на уровне подзаконных актов Российской Федерации. Одной из причин возникновения таких группировок является их нежелание раствориться в коренном населении в условиях плохого или ухудшающегося социального положения. Людям одной этнической принадлежности легче находить общий язык друг с другом в условиях иноэтнического окружения, часто они живут вместе, в одном районе города, образуя некое подобие гетто. Эта питательная основа становится оправданием и основой для противоправных действий, создания организаций, идеологией которых становится этническая близость их участников.

Не менее уникально еще одно явление, обнаруженное социологами и политологами и выявившее следующее: возник и крепнет такой феномен, как *этническое электоральное голосование*. Оно стало фактом для многих стран Латинской Америки [18, 19]. Проявилось это и на выборах в США, где за своего этнического «собрата» голосуют до 75–80 % от численности соответствующей этнической группы [16]. Стало отмечаться такое явление и в республиках России, когда предпочтение отдавалось тому кандидату, который представлял данный этнос [17]. Первые попытки анализа выявили целый аспект причин такого голосования: а) осознанный выбор по принципу поддержки «своего», от которого можно ждать более внимательной политики по отношению к нуждам и интересам «своего» народа; б) предубежденность ко всем «чужим» как в силу мировоззренческой замкнутости и ограниченности, так и в силу недоверия ко всем нациям, кроме своей; в) в ситуации сомнения, когда нет определенной убежденности в момент выбора, все же чаще срабатывает эффект этничности как более «правильное» голосование. Иногда в такое голосование вмешиваются и официальные власти, нарезая мажоритарные округа так, чтобы гарантировать прохождение необходимых им кандидатов, особенно если сама власть прямо или косвенно страдает «этническим недомоганием».

Таким образом, национализм не только продолжает функционировать, но и приобретает новые или модифицированные формы своего существования. Но несомненно одно — на эти процессы и явления в жизни каждого общества и всего мира следует не только обращать более пристальное внимание, но и выработать формы противостояния, снижать (если не ликвидировать) его разрушающее воздействие на возможность устойчивого развития человечества.

Литература

1. Абдулатипов Р. Г. Парадоксы суверенитета: перспективы человека, нации, государства / Р. Г. Абдулатипов. — М., 1994.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. — М., 2001.
3. Балибар Э. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности / Э. Балибар, И. Валлерстайн. — М., 2003.
4. Баринов И. И. Траектории нациестроительства в странах Восточной Европы / И. И. Баринов // Мировая экономика и международные отношения. — 2015. — № 12. — С. 90–98.
5. Бердяев Н. А. Философия неравенства / Н. А. Бердяев. — М., 2006.
6. Геллнер Э. Нации и национализм / Э. Геллнер. — М., 1991.
7. См., например: Дзидзоев В. Д. Национальные отношения на Кавказе / В. Д. Дзидзоев. — Владикавказ : СОГУ, 2000.

8. *Задорожнюк Э. Г.* Политические процессы в Центральной Европе и становление новой региональной идентичности / Э. Г. Задорожнюк // *Центральная Европа в поисках новой региональной идентичности* / под ред. Ю. С. Новопашина. — М., 2000.
9. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. — М., 1981.
10. *Ноженко М.* Национальные государства в Европе / М. Ноженко. — СПб., 2007.
11. *Перин Р.* Психология национализма / Р. Перин. — СПб., 1999.
12. *Тишков В. А.* Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. — М., 1997.
13. *Тощенко Ж. Т.* Этнократия: история и современность / Ж. Т. Тощенко. — М., 2003.
14. *Шин А. С.* Национально-демократические революции: некоторые вопросы теории и практики / А. С. Шин. — М., 1981.
15. *Устинова М. Я.* Национальные меньшинства Латвии: История и современные проблемы соблюдения прав / М. Я. Устинова // *Очерки о европейской идентичности и многокультурности* / под ред. М. Ю. Мартыновой. — М., 2013.
16. *Фарукшин М. Х.* Проблемы этнического голосования в зарубежном дискурсе / М. Х. Фарукшин // *Социологические исследования*. — 2016. — № 5.
17. *Федоров В. В.* Русский выбор. Введение в теорию электро-рального поведения / В. В. Федоров. — М., 2010.
18. *Bareto M.* ISI. Se Puedro! Latin Candidates in Mobilization of Latin Voters / M. Bareto // *The American Political Science Review*. — 2007. — № 101 (3).
19. *Madrid D.* Ethnic Proximity and Ethnic Voting In Peru / D. Madrid // *Journal of Latin American Studies*. — 2011. — № 43 (2).
20. *Scherrer Ch. P.* Genocide and crisis in Central Africa: conflict roots, mass violence, and regional war / Ch. P. Scherrer. — Westport : Praeger, 2002.
21. *Tabuns A.* National, State and Regime Identity in Latvia / A. Tabuns. — Riga : Baltic Study Center, 2001.